

Жа финише буйного века

Качели

Спросил Господь: «А вон орет блажной — Глава то ль глобусом, а то арбузом с виду: Что положить ему на срок земной — Башкату, да уж больно дурновиту?»

Ответствовали ангелы ему:
«По роду-то отцы его — крестьяне,
Да, вишь, согнали: нынче не в дому — Известку жгут в какой-то адской яме».

«А, знаю, — флюсы. Так пушай идет,
Как вырастет, в железны инженеры!»...
«Ну, Господи, он — хоть не идиот,
Да, видно, не совсем и полной меры».

И милосердый отослал Господь
В землянку отцу ангела с приветом:
«Дай парню завалышу прочну плоть —
Пусть будет рыбарем али поэтом».

Что ангелу земное ремесло,
Когда он пишу вовсе не вкушает!..
А я? А мне поэзия мешает
Рыбачить, а рыбалка — делу зло.

Так и качаются с тех пор качели эти...
Нет повести печальнее на свете.

Прорвемся, Франсуа!

1. Такой расклад...

Нет худа без добра: опять не ел с утра? —
Зато душа легка и тело невесомо,
И служит мне рука, и слушается слово.

Нет на трамвай опять: а у кого стрелять? —
Те стали враз бедны, а эти —
так с рожденья...
Зато целей штаны — не трутся о сиденья.

Стал хуже всех в родне: сижу на самом дне —
Ни в гости пригласить,
ни с чем зайти бы — нету...
А ведь красиво жить не запретишь поэту.

Ну что ж: кому — добро да злато-серебро...
Мне — мамино крыльцо уютное, резное,
Да рук твоих кольцо,
да солнышко сквозное.

2. С любимой и Вийоном

Что толку от добра: от шапки из бобра
И тачки в гараже, и сиделок в барах, —
Когда друзей уже не будет больше
старых?

Но как мне без добра в глазах твоих с утра,
Как без тепла твоих прощающих ладошек:
Как быть без нас двоих —
вдвоем не одиночек?

Конечно, иногда подтянет — ну куда!
В башке — сплошной трезвон,
в карманах — только эхо...
Ну как, мой друг Вийон, —
знакомая потеха?

Но грянул майский гром,
и жизнь — куда с добром! —
Льет золото с утра на лес купюр зеленых...
Прорвемся, Франсуа,
без пирожков соленых!

Пусть будет!

Не слушайте, ребята, стариков —
Я — исключенье!
Любой ценою рвитель из оков
Чужого мнения!
И на потом оставьте, на потом
Трезвянку чувства:
Жизнь и сама ткнет в темечко перстом:
«Пора очнуться!»
Безумствуйте, ребята, до поры:
Дай Бог вам духу
И покорять межзвездные миры,
И — гаду в ухо!..
Но лишь остерегайтесь без любви
Резвиться долго:
Волчица юная зажмет в клыки свои
Седого волка, —
А хуже нет отвергнутым, чужим
Не зря казаться,
Когда не в силах ни предстать смешным —
Ни отказаться...
Тогда сожмите зубы, как и я —
Не исключенье! —
И вот всего одно, мои друзья,
Вам наученье:
— Непризнанное чувство студит кровь
Нередко людям, —
Но даже и несчастная любовь
Пусть все же будет!

Живи мы не у дна...

Мы не рабы. Мы — рыбы?
Кровь наша холодна.
Мы многое могли бы,
Живи мы не у дна,
Где замерло течение,
Где холодна вода...
Мы даже свое мнение
Имею иногда.

Но вот того, что кроме
У нас, увы, и нет.
Кем был ты на погроме —
Свидетелем, поэт?
Нас без конца громили —
Тех, кто роптал и не...
А мы благодарили
За счастье жить в стране,
Где и Генсек — писатель,
Где и поэт — сексот,
Где сам себя спасатель —
Лишь плут да идиот.
Мы даже на теченье
Стремимся иногда...
Да велико давленье,
Да холодна вода.

Вдали от детства

Мне отвратительно прямое знанье:
Я с детской знобкой тоненькой души
Знал, чувствовал, что есть оно — сиянье
И неба теплый ласковый ушиб,
Который вразумит рукою мамы —
И станет не ушиб, но поцелуй...
Но почему теперь-то, почему
Все дождь да снег, да ветер, да туманы?

В пути

Е. Козыревой

Жизнь — бесконечное прощанье
Со всем, что любишь и любил,
И ненавидел беспощадно,
И равнодушно позабыл,

Как вечно длящаяся встреча
Всегда неведомого дня:
И утром знанье, что ты вечен,
И мрак отчаянья под вечер,
И лед в объятиях огня.

Жизнь — череда бессменных всплеск
Сил, управляющих душой:
Приду. — Пришел. — Иду. — И вышел.
И нету проблесков. — Ушел.

Но сколько б сердце ни томилось
Конечной целью бытия —
А все ж и пелось, и любилося,
И встречный взгляд тебе сиял.

И ты читаешь эти строки,
А значит, нам еще идти —
И может, встретимся в дороге,
И нам придется по пути.

За поворотом

Где-то близко уже —
за крутым поворотом дороги —
отдохнут остомевшие ноги,
станет вольно душе —
и поймешь, наконец,
что не надобно больше привала,
а звезда, что привычно мерцала, —
за тобою гонец,
и теперь ты уже
можешь глянуть в приветное небо,
отрешась от любви и от гнева,
доверяясь душе,
поманившей тебя
от всечасной хулы и расправы,
от минутной надежды и славы
и от тех, кто, любя,
изнемог разделять
сопричастности тяжкую ношу,
и хотя восклицает: «Не брошу!», —
не решился обнять,
удержать на прощальном пороге...
Как покойно душе
знать, что близок уже
неизбежный свороток дороги!

В гостях

На высшую точку любви.
И на гибель
Приходим нагими —
Томимы мечтами благими,
Твердящими гимны.
Таками уж мы родились
И сгинем таками:
Под рванью, под сканью,
Под высшей «фирмой»
Мы ходим нагими.
Все болести мира
Я чувствую кожей самой, —
Господь, помоги мне!
Приходим мы в гости,
Уходим — навеки — домой,
Оставив лишь имя:
Кто «фирменный»,
Кто с побирушей сумой —
Уходим нагими.

Белка в колесе

Что потеряет неимущий,
Подхватывает, кто богат.
Блажен дождавшийся,
Но ждущий
Его счастливее стократ.
Достигнет цели и бегущий,
Ждет и мою ладью причал.
Блажен от ярости орущий,
Но трижды — тот, кто открывал.

Что потеряет неимущий?
Да только скорбную суму —
И налегке до райских кущей
Не прощешь добрести ему?

Вот вихрь явил тысячекрпость,
Вот белка скачет в колесе...
Смотрите: солнце уместилось
Одною капелькой в росе.

Поздний разговор

Зажги средь бела дня повсюду свет —
Пусть будет праздник!
Ты столько отжил неприметных лет,
Спокойно-зряшных.

А если сквозь потемки иногда
Что и светило —
Гасила пламя трезвая вода
Разумной силы,

Повелевавшей неуклонно быть
Как все, как надо:
Ведь не утонешь, не пустившись плыть, —
В том и отрада.

Не пить, не драться:
Все — смертельный риск,
Цена веселья.
И на пиру, где счастливы все вдрызг,
Лишь ты — в похмелье.

Мой собеседник робкий, мой двойник,
Еще полшага —
И досадишь, дотянешься до них,
Грядет пощада.

Скорее прочь из темного угла!..
Но что с тобою? —
Зачем крушить напрасно зеркала
Башкой седой?

Отбой

Заведу все часы в дому,
Все задействую радиоточки...
Вот уж вроде бы чертовой ночки
Дождаться и не одному.

А часы говорят меж собой,
А динамик вещает на воздух, —
Но когда проморгаются звезды,
Я уже дам себе отбой.

Заведу все часы в дому...
Заведу-ка себе я птаху!
Упасу от голодного страха, —
Сердце сам себе и займу.

Неспособно жить одному.

Под уютной луной

Как мне поперву мнилось:
Что ни день — то и милость,
Что ни ночь — то и радость,
Непременная сладость.
Будет мир мне в отраду,
И я людям — ответно:
Да всего-то и надо —
Улыбаться приветно.

Но у всякой избушки —
Свои поскрипушки,
И у каждой-то девки,
У любой-то у пташки —
И заветны припевки,
И особы замашки.

Все, что мнилось, что снилось, —
Улеглось, позабылось...
Но на позднюю радость
И потребна-то малость:
Вспомнить детство в избушке
Под уютной луной
Да сверчка поскрипушки,
Да смешные веснушки
Королевы одной.

Ну и что — отоснилось?
Ну и что — не сбылось?..
Лишь бы сердце забылось
Да назад не стремилось —
Лишь бы крепко спалось.

Попутный разговор

Ну дела, братаны, — довела:
Добела довела — добела!
Прямо пряху меж пальцев вила, —
Ажно кровь из живого пила!

А и вовсе ей неведома жаль:
Скажешь: «Ну-ка, змеюка, ужаль!» —
Так ужалит — ночь губы горят
И неведомо что говорят.
Жаль, порвал да не снял с нее шаль...
Эдак вот ее отец и наряжал!

Да ведь эку ловку пряху свила:
Дотащила до родного угла —
Там папанье своему и сдала.
Мало: в церкву — не в ЗАГС — и свела.

Посмотрите, — ну что за дела:
Приземляется — без помела.
Глянь, — сюда ведь, к нам хвостом помела!
Все, ребята, я не пью — не пошла!

... Разрешите, джентльмены, пройти.
Вы не в оперу? Так нам не по пути!

Нет, не влюблен я...

Да, я родился во-время, как раз:
Не поздно и не рано,
Точка в точку.
Не рано — чтоб такой застигнуть Вас,
Не поздно —
Чтобы вдруг не спутать с дочкой.

А у Светланы — синие глаза,
А у Светланы — брови, как шнурочки.
Как и у Вас, наверно, век назад —
Когда Вы были тоже в звании дочки.

Нет, не влюблен я,
Не влюблен я в Вас,
Лишь чей-то взгляд
Во мне вдруг отразился...
Не о любви я думаю сейчас —
О том, как я не во-время родился!

Пусть не завтра...

Я за все на свете рассчитаюсь,
Я за все на свете расплачусь:
С вечностью утешно обвенчаюсь —
И к Отцу Небесному вернусь.

Пусть не завтра в дальнюю дорогу,
Но зовет, зовет меня звезда:
Надо бы любить себя немного —
Да не получалось никогда.

Так хотелось доброго покоя,
Так устал стучать в чужую дверь...
Дом, тепло... А что это такое? —
Я не знаю этого теперь.

Многому меня учили в жизни,
Лишь не объяснили, почему
В лоне дорогой моей Отчизны
Так студено, как в пустом дому.

Отчего всегда поэту было
Вдоволь только брани да темниц,
Почему в глаза хохочет быдло
Из ущелий пухленьких глазниц?

Рассчитаюсь я за все на свете,
Все, что людям должен, уплачу,
И уйду, где ангелы и дети,
Мне уже затеплили свечу.

Жа финише буйного века

Быстрее всего забывают добро.
И это нормально, наверно:
Мир д о л ж е н быть добрым и верным
Средь речек нешумных и вечных дубров.
А что относительно выпренных слов
Касаемо широкошумных дубров —
То мало ли мы позабыли
Того, что вчера отлюбили
Средь речек небыстрых и старых дубров.
И мало ли было наломано дров
Во имя того, чтобы строить добро
В масштабе всей нашей планеты.
А может, в пределах и дальних миров
Добра понесем эстафету
Среди нам неведомых рек и дубров?
А нынче мы — с кучей приятных всем слов —
Средь высохших речек и голых дубров,
Что тоже нормально, наверно:
Мир станет и добрым, и верным
Во времени безразмерном.
А правнуки знать будут тысячи слов,
Которые обозначали добро,
Которое грело, сияло, цвело
И тешило человека
В исходе двадцатого века.